

Источники

- Бадмин А., АШД — Алтн шорад даргддо (роман). Элст, 1964. 313 с.
- Бадмин А., УЭБ — Усна экн-булг (роман). Элст, 1969. 206 с.
- Баснга Б., БО — Бумбин орн (наадд, келврумд болн шүлгүд). Элст, 1981. 431 с.
- Гедеева — Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 196 с.
- Доржин Б., МО — Мини отг (келврумд). Элст, 1968. 254 с.
- Доржин Б., ЧХ — Чик хаалх. Роман. Негдгч дегтр. Элст, 1973. 253 с.
- ЗТ — Зуркни таалар (келврумд болн очерк). Элст, 1965. 340 с.
- Инжин Л., ОК — Ольдан күүкн (роман). Элст, 1963. 319 с.
- Манжин Н., КХ — Келврумдин хурангу. Элст, 1959. 213 с.
- НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 36. Оп. 1.
- Сказание — Сказание о хождении в тибетскую страну малодербетовского Бааза-багши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленным А. Позднеевым. СПб., 1897. 125 с.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического описания. Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- ХУ — Хальмг үлгүрмүд болн ахр туульс. Элст, 1959. 284 с.
- ХТ — Хальмг туульс. Негдгч хув. Элст, 1961. 220 с.
- ХПА — Хальмг поэзин антолог. Элст, 1959. 341 с.
- Эрнжэнэ К., ЫХ — Халан хадл (хойр ботьга роман). Элст, 1972. 662 с.
- Эрнжэнэ К., ШКТ — Шүлгүд, келврумд болн түүкс. Элст, 1964. 229 с.

Литература

- Бадмаев Б. Б. Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966. 116 с.
- Бембеев Е. В. К вопросу о частицах (по архивным источникам XVII века) // Калмыки и их соседи в составе Российского государства: мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 7–11 сентября 2001 г.). Элиста, 2002. С. 153–156.

- Будаева Г. Д. Частицы бурятского языка как лексическое средство выражения модальности // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989. С. 91–100.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849. 403 с.
- Вандуй Э. Сул үг // Орчин цагийн монгол хэлзүй. Улан-Батор, 1966. 224–232 дахь тал.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 332 с.
- ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке: автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Улан-Удэ, 2001. 43 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц: Монгол хэлний үг, нөхцөл хоёр нь. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1968. 192 с.
- Мишиг Л. Орчин үеийн монгол бичгийн хэлний дадлагын хэлзүй. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1978. 179 с.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университет. тип., 1847. 392 с.
- Пюрбеев Г. Ц. О формах двойного отрицания в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1975. С. 327–334.
- Пюрбеев Г. Ц. Категория модальности и средства ее выражения в монгольских языках // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 225–230.
- Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.; Л., 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков: в 2 т. М.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.
- Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвистического описания. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Шевернина З. В. Функционально-семантические значения модальных частиц в монгольском языке // Вопросы грамматической системы монгольских языков. Элиста, 1980. С. 20–31.

УДК 81'367.7 + 811.512.3

ББК 81.2-3

**ГЛАГОЛ КАК ДОМИНАНТА В СВЕТЕ МОДЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ**

(проблемы классификации)

Э. У. Омакаева

Одним из наиболее заметных достижений лингвистики конца XX и начала XXI в., несомненно, является значительный прогресс синтаксиса и лексикологии, харак-

теризующийся осязательным расширением круга исследуемых проблем, новой постановкой задач и усовершенствованием методов исследования. Важным фактором, опре-

деляющим актуальность заявленной темы, является необходимость функционального подхода к синтаксису [Functionalism in linguistics 1987; Тестелец 2003; Мустайоки 2006], углубленного исследования аспектов взаимодействия семантики предложения-высказывания и глагола-предиката в рамках лингвокогнитивного подхода, а также выявления механизмов корреляции семантики предиката и аргументов и построения глагольно-ориентированной модели анализа.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена тем, что категория глагола находится на пересечении важнейших сфер семантики, лексики и синтаксиса, которые в монголистике лишь начинают исследоваться, а также предопределенностью содержательных и формальных свойств синтаксиса семантическим уровнем. К нему «относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания» [Кибрик 2001: 20–22].

Изучение синтаксиса глагола — давняя традиция в монголистике: одними из первых к данной теме обратились в своих диссертационных исследованиях Г. Д. Санжеев [1947], В. Ф. Ренжиглова [1951] и Д. А. Сусеева [1964]. Описание синтаксиса глагола невозможно без тщательного изучения семантических свойств и значений слова, его синтагматики и парадигматики, способности вступать в связи с другими словами и образовывать различные конструкции. Однако многие кардинальные проблемы, связанные со словом и его свойствами, а также с его функционированием в тексте, до сих пор не имеют общепринятого решения. К подобным проблемам относится и проблема классификации глагольных лексем и, шире, проблема соотношения лексики и грамматики, о чем свидетельствуют последние исследования по глаголу на материале не только монгольских и, шире, алтайских языков [Мамедов 1976; Кузьменков 1983; Харчевникова 1995; Егодурова 1988, 2001; Чариков 2000; Тувшинтогс 2005; Мальчуков 2008; Омакаева 2008; Исследования по грамматике калмыцкого языка 2009 и др.], но и других языков мира [Васильев 1981; Коваль, Нялибули 1997; Алпатов 2005; Магомедова 2006 и др.].

Анализируя положение дел в области систематизации лексики в монгольских языках, отметим, что практически все клас-

сификации строятся с учетом только одной классификационной семы. Традиционно выделяют переходные и непереходные глаголы. Но такая классификация представляется нам не вполне адекватной, поскольку реальное положение вещей представляет собой значительно более сложную картину. «Однако, — пишут В. Б. Касевич и В. С. Храковский, — многопризнаковые классификации — дело будущего, поскольку пока еще недостаточно исследованы состав и ранжирование сем в лексемах глаголов, к тому же не вполне ясны и сами признаки классификации такого рода» [Касевич, Храковский 1983: 19].

Лексический материал организуется в систему путем многократного и последовательного деления, в результате которого выделяются парадигмы типа семантических полей (далее — СП), лексико-семантических групп¹ (ЛСГ) и микропарадигмы типа синонимических рядов и т. п.

В современной лексикологии активно разрабатывается полевая модель организации лексических множеств. СП как компоненты языковой картины мира представляют собой «лексико-семантические группировки (парадигмы), структуру конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия» [Уфимцева 1988:

¹ ЛСГ следует отличать от СП, в которое входят единицы разных частей речи. СП лексики являются пересекающимися классами, так как не может быть такого разбиения на поля, при котором одна лексема входила бы только в одно поле: «Из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян, 2 1995: 252].

ЛСГ не следует путать и с тематической группой слов, выделяемой по принципу идеографической классификации понятий. Тематические группы лексики близки семантическому полю, так как основываются на парадигматических и синтагматических отношениях, но не включают ассоциативно-деривационных связей. ЛСГ является микрополем парадигматического плана, так как важнейшим структурирующим отношением элементов в нем являются гипо-гиперонимические и синонимические отношения. В ЛСГ входят слова одного лексико-грамматического класса, одной части речи (главным образом глаголы), которые объединены общим родо-видовым признаком и противопоставлены по каким-либо другим различительным признакам. Хотя эта общность и обуславливается внеязыковой действительностью, она характеризуется одновременно и собственно языковой общностью с точки зрения грамматической структуры. Так, например, глаголам одной ЛСГ свойственна общая сочетаемость, сходное управление, функционирование в определенных типах конструкций.

138]. Наиболее богатой палитрой отличаются СП с глагольным ядром, что связано с регулярной многозначностью лексических единиц данного лексико-грамматического класса, хотя «в ряду великих концептов мировой и русской культуры... „Действие“ до сих пор играло второстепенную роль» [Степанов 2001: 314].

Сочетательные возможности глаголов значительно шире, чем у других частей речи [Абрамов 1966]. Синтаксические свойства глаголов выводятся из их лексических характеристик. Функционирование глаголов определяется не только отнесенностью их к единому лексико-грамматическому разряду слов, но и принадлежностью к тому или иному его подклассу. В один подкласс входят глаголы, объединенные формальным признаком и общим семантическим признаком.

Исходя из того, что глаголы, включаемые в одну ЛСГ, обладают общими семантическими компонентами и имеют одинаковые или подобные семантические структуры, можно предположить, что члены определенных групп должны подаваться в словарях более или менее однотипно, то есть словарная статья глагола данной ЛСГ должна походить на словарную статью другого члена данной группы².

В лексико-грамматической типологии сегодня на первый план выходит проблема разработки адекватных понятий, в терминах которых можно рассматривать и сопоставлять языковой материал. При сравнении «глубже, пластичнее и всестороннее познается и система каждого из сопоставляемых языков сама по себе; яснее проступают характерные черты, дифференцирующие сопоставляемые языки» [Мразек 1978: 181].

Непосредственным объектом сопоставления в таком случае могут быть основные лексико-семантические группы глаголов в калмыцком и монгольском языках, а также образованные с помощью этих глаголов синтаксические модели конструкций [Омакаева 2011a]³. Выскажем предположение,

² Все это настоятельно требует и изменения лексикографической стратегии описания языка. Поэтому дальнейшая задача — попытка презентации результатов описания моделей управления глагола в словаре нового типа, трансформационно-дистрибутивном словаре, т. е. «ословаривание» синтаксического описания. Такой словарь должен стать по сути лексикографической интерпретацией интегративной модели описания языка, основанной прежде всего на взаимодействии лексики и синтаксиса.

³ Понятие модели (структурной схемы) стало уже вполне привычным для современной лингвистики

что синтаксические характеристики глагола связаны со значением, в котором он употреблен в данной конструкции.

Помимо основной цели автор видит свою задачу в демонстрации потенциала арсенала средств современной лингвистики для решения поставленной проблемы. В основе нашего подхода лежит идея триплетного кодирования высказывания при его построении, объединяющая тем самым системное и текстовое исследование языковой единицы. Модель речевой деятельности обусловлена точкой зрения говорящего и его коммуникативными интенциями, предполагает определенным репертуаром языковых средств, реализованных в конкретном фрагменте текста. Глагол в условиях текста является средством обнаружения синтаксической структуры, в рамках же языковой системы образует область функциональных возможностей языковой единицы, ее коммуникативно-когнитивного потенциала.

Рассмотрение проблем синтаксиса и семантики глагола на материале бесконтекстного предложения не позволяет в полной мере и по возможности непротиворечиво описать их. Необходим принципиально новый подход, заключающийся в выходе за пределы предложения — в текст. Текст — это качественно новый языковой уровень, создающий необходимые условия для адекватной интерпретации многих синтаксических фактов, не получающих убедительного объяснения на уровне предложения.

Анализ опирается на корпус употреблений глаголов с их контекстами, извлеченный из различных текстов письменной речи, [Актуализация предложения 1997; Кетенчиев 2007], причем не только для синтаксиса, но и для морфемки, словообразования. Разрабатываемый нами модельный подход к изучению монгольского и калмыцкого синтаксиса основан на разграничении понятий «тип предложения» как модель, структурная схема, грамматический образец в отвлечении от его лексического наполнения, с одной стороны, и «предложение» как конкретная, лексически наполненная реализация соответствующей модели, схемы, образца.

Модель предложения, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его, а, изучая модель, мы получаем информацию об объекте. Исследование моделей предложения, таким образом, важно не только с теоретической точки зрения, но и в сугубо прикладных целях — с точки зрения лингводидактики (методика преподавания синтаксиса) [Омакаева 1990], практической лексикографии (составление словарей разного типа), изучения картины мира данного этноязыкового сообщества, концентрированным выражением которой является конкретный язык как система содержательно интерпретированных лексических и грамматических оппозиций.

признаваемых авторитетными образцами калмыцкого литературного языка⁴. За единицу исследования была принята глагольная словоформа, функционирующая в высказывании, равном предложению, т. е. глагол как синтаксическое ядро, открывающее актантные позиции, заполняемые именами определенных семантических классов⁵.

Развитие синтаксической типологии, стимулированное расширением эмпирической базы и появлением новых эффективных исследовательских инструментов, привело лингвистов разных направлений к пониманию того, что структура предложения в каждом естественном языке определяется грамматическими свойствами входящих в него лексем, представляя собой итог развертывания глагольного ядра за счет заполнения обязательных валентностей. Глагол, являясь ядерной синтаксемой, определяет количество и качество своих актантов⁶.

В данной статье апробированы на сопоставительном монгольско-калмыцком материале новые принципы представления глагольной лексики – валентностные (актантные) классы глаголов, семантические классы и подклассы, лексико-семантические группы глаголов.

Выдвижение на роль конструктивного ядра (вершины) предложения глагола как слова, обладающего наибольшими активными валентностями (сочетательными потенциальными), означает необходимость рассматривать подлежащее как член предложения, подчиненный сказуемому и равный по своему функциональному статусу дополнению,

⁴ Выбор текстов обусловлен различными способами языковой концептуализации основных культурно значимых фрагментов картины мира калмыцкого и монгольского этносов, в том числе архаичной мифопоэтической модели мира, разнообразием представленной в них лексики, отражающей особенности местности, ландшафта, флоры и фауны, истории и современного положения, своеобразии материальной и духовной культуры калмыков и монголов и, шире, диалога культур.

⁵ В последние десятилетия появился ряд работ, представляющий новые веяния в монголистике, направленный на изучение синтаксической семантики, обусловливаемой лексическими факторами [Кузьменков 1984 и др.]. Прочно вошедшие в практику лингвистических исследований и сегодня употребляющиеся уже как само собой разумеющиеся понятия «валентность», «актант», «семантическая роль», «предикативность», «диатеза» связаны прежде всего именно с глаголом, трактуемым как структурное ядро, семантическая доминанта предложения [Холодович 1970].

⁶ Диатеза определяется как схема соответствия компонентов синтаксической и семантической структуры — актантов и аргументов соответственно.

но имеющий более высокий по сравнению с последним иерархический ранг.

Наличия подлежащего и сказуемого не всегда достаточно для выделения конструктивного минимума предложения, ибо в определенных типах предложения его главные члены не обеспечивают структурную завершенность предикативной конструкции, поэтому в разряд обязательных компонентов с необходимостью попадает и дополнение — прямое и некоторые виды косвенного. То, что синтаксическая типология обычно оперирует именно трехчленной схемой (SOV), — яркое тому подтверждение.

Введение понятия «синтаксема» в синтаксическое описание монгольских языков [Жамбалсүрэн 1987] обусловлено тем обстоятельством, что теория членов предложения (ЧП) не позволяет увидеть структуру предложения во всей ее сложности и многоплановости, ограничивает познавательные возможности в выявлении связи семантики и синтаксиса и получении нового знания.

Понятия «синтаксема» и «член предложения» обнаруживают полное совпадение только в ядерной глагольной синтаксеме (сказуемом), а первый актант и подлежащее, сирконстант и обстоятельство — отнюдь не накладываются друг на друга.

Обстоятельства относятся к факультативным ЧП, а определение по существу является не ЧП, а лишь частью ЧП. Их объединяет наличие у них предикатного статуса (позицию данных ЧП занимают, как правило, предикатные слова, т. е. носители предикатных семантем), поэтому определения и многие обстоятельства нередко трактуются как предикаты второго порядка, реализующие включенные пропозиции. Обстоятельства места, в позиции которых обычно выступают предметные слова (т. е. носители непредикатных семантем), при глаголах определенных ЛСГ фактически являются дополнениями (актантами). Поэтому они входят в конструктивный синтаксический и семантический минимум предложения.

В рамках принятой концепции нами разграничиваются единицы чисто синтаксического и семантического характера, например, понятия глагольной синтаксемы и предиката, недифференцированно представленные в термине «составное именное сказуемое»: хотя глагол является прототипическим предикатом, последний выражен здесь глагольно-именным сочетанием, но сказуемым может быть только глагол, а не

все сочетание; имя же, хотя и имеет предикатный статус, синтаксически является актантом. Глаголы-связки можно уравнивать в функциональном отношении со знаменательными глаголами, придав им самостоятельный статус сказуемого как ядерной синтаксемы, а присвязочный член рассматривать как первый актант, а не как именную часть сказуемого, как это обычно делается.

Слова как компоненты предложения различаются не только по своей синтаксической роли, но и по семантической функции, выполняемой каждым из них. В их число входят как семантические роли, в частности агенс и пациенс, так и коммуникативные роли (тема, рема).

Язык моделирует в присущих ему схемах денотативные ситуации объективной действительности, сводя их к конечному набору элементарных языковых сигнификативных (семантических) ситуаций. Глагольный предикат в совокупности с семантическими ролями образует семантическую конфигурацию, т. е. структурированное образование, обладающее одновременно и целостностью, и внутренним строением.

Семантическая характеристика актантов включает в себя указание на семантический тип лексемы, семантическую роль (СР) аргумента, отвечающего данному актанту, и роль в тема-рематической структуре элементарной синтаксической конструкции (ЭСК).

Реальное семантическое наполнение такой синтаксической категории, как актант, в разных ЭСК может быть показано в терминах СР: 1. Ag (агенс), 2. Exp (экспериментер), 3. Abs (абсолютив), 4. Don (донор), 5. Rec (реципиент), 6. Loc (локатив), 7. Abl (аблатив), 8. All (аллатив), 9. Term (терминатив), 10. Nom (номинатив), 11. Com (комитатив), 12. Junct (юнктив), 13. Res (результат), 14. Goal (цель), 15. Adr (адресат), 16. Pt (пациенс), 17. Ex (источник), 18. Ins (инструмент), 19. Ben (бенефициент).

Предлагаемый нами набор СР для монгольских языков, возможно, довольно дробен, но он отражает реальное семантическое наполнение актантов в различных типах ЭСК данных языков. К тому же СР объекта и субъекта, выделяемые обычно в литературе, представляются нам слишком обобщенными. В рамках принятой нами концепции субъект и объект рассматриваются как гиперроли.

Охарактеризуем вкратце методику выделения СР. Постулирование той или иной СР для первого аргумента зависит, во-первых, от местности предиката, а, во-вторых, от СР другого (второго) аргумента. Если предикат одноместный, то первый (единственный) аргумент всегда имеет значение абсолютива (носителя признака-состояния). В случае двухместного предиката все зависит от СР второго аргумента. Например, СР агенса (производителя действия) следует, на наш взгляд, постулировать только в том случае, если имеется пациенс (то, над чем производится действие). Если же второй аргумент имеет роль источника, то первый выражает экспериментер. Когда же второй аргумент имеет любую другую СР (т. е. кроме пациенса и источника), то мы приписываем первому аргументу значение абсолютива.

Систему глаголов, видимо, должна отражать классификация последних по некоторым признакам⁷. Глаголы отличаются друг от друга прежде всего валентностью, т. е. числом актантов. Но одна только количественная классификация малоинформативна. Следует учитывать не только количественный, но и качественный аспект валентности (оформление актантов, их семантические характеристики). Поэтому каждую модель управления глагола мы представляем в виде формулы, которая выводится на основе знания диатезы той или иной глагольной лексемы⁸.

Исходный пункт — это лексикографическое толкование глагола. Соглашаясь с тем, что «синтаксическое описание должно

⁷ Описание глаголов проводится нами с учетом монографии Е. А. Кузьменкова [Кузьменков 1984], где рассматриваются около 300 высокочастотных широкоупотребляемых глаголов монгольского языка. Автор выделяет 26 поклассов глаголов, избрав подход «от конструкции». Мы также группируем глаголы по сходству формулы образуемой ими элементарной синтаксической конструкции (ЭСК). При этом получается, что одни ЭСК образуются большим количеством глаголов, объединенных общностью семантики, а другие ЭСК — только несколькими глаголами или даже одним глаголом. В первом случае рассматриваются не все глаголы данного класса или подкласса, а лишь наиболее типичные.

⁸ Глагол обладает определенным синтаксическим и семантическим потенциалом, выражающимся в его дистрибуции, т. е. участии в тех или иных контекстах, и представляет собой системообразующее качество высказывания как его главный (ядерный) элемент, который формирует синтактико-семантические контуры и в который все высказывание в идеале может быть свернуто.

существенно опираться на словарь» [Падучева 1974: 8], вместе с тем приходится констатировать, что существующие словари монгольских языков не дают достаточной информации о лексико-синтаксической сочетаемости глагола, поэтому был использован и текстовый подход. Последний заключается в анализе синтаксического поведения глагола в тексте, где ЭСК, наполняясь лексически, трансформируясь, дает предложение, которое служит основой разнообразных высказываний.

Описание моделей предложения — основная задача синтаксиса, решение которой требует выявления состава модели, т. е. глагольно-актантной рамки — регулярного актантного окружения для каждого глагола [Омакаева 2011б]. Но поставленная задача выявления обязательного окружения ядерной синтаксемы (актантной рамки глагола) представляет определенную трудность.

При классификации глаголов возникает несколько проблем, которые требуют предварительного обсуждения: 1) проблема безглагольных ЭСК; 2) проблема нульвалентных глаголов и 3) проблема лексического статуса глагола (омонимия или полисемия). Рассмотрим их по порядку.

И в монголистике, и в общем языковедении выделяются так называемые номинативные (назывные) и биноминативные (тождества) безглагольные предложения. Мы предпочитаем считать, что в монгольских языках таких предложений нет. Так называемые безглагольные предложения на самом деле предложениями не являются, так как не являются контекстно-свободными.

Вершиной ЭСК может быть только глагол, находящийся в абсолютном исходе предложения. Иначе говоря, глагол — структурно обязательный ядерный элемент любой синтаксической предикативной конструкции. Другое дело, что связочный глагол, как правило, опускается в тексте ввиду ситуативно обусловленного контекста, т. е. позиция ядерной глагольной синтаксемы остается лексически не заполненной, но связка может быть при необходимости восстановлена. Такие эллиптированные высказывания, построенные по разным моделям связочных ЭСК, должны рассматриваться в дискурсивном синтаксисе как маркер описательного контекста.

Номинативные высказывания (НВ) типа *Асхн*. 'Вечер'. восходят к связочной ЭСК локативного наличия, где ситуативно обуслов-

ленное пространство (местонахождение говорящего) характеризуется по наличию в нем предмета или ситуации. С помощью НВ задаются пространственные, временные, личностные параметры ситуации, которая будет описана в следующем высказывании, т. е. определяется тема последнего. Что касается самого НВ, то с точки зрения его актуального членения оно является рематическим высказыванием с невыраженной темой - локализатором в силу его данности. Но локализатор может быть эксплицирован с помощью локативных форм (имен в дательном-местном падеже, наречий): *Һаза китн (бээнэ)* 'На улице холодно (есть)', *Герт дулан (бээнэ)* 'В доме тепло (есть)'. Роль связки заключается в присоединении глагольных грамматических показателей и выражении наличия локативно-квалификационных отношений между двумя актантами.

История вопроса свидетельствует и о существовании проблемы бесподлежащих предложений. Строго говоря, бесподлежащими можно признать только такие предложения, в которых есть запрет на подлежащее. В монгольских языках безличных (авалентных) глаголов типа русского *светать*, видимо, нет.

Глаголы, обозначающие изменение состояния погоды, окружающей среды, имеют обязательную валентность на носителя состояния. В силу того, что носитель состояния, обозначенного глаголом *киитрх* 'холодать', предельно абстрактен, обобщен и ясен из ситуации, то он обычно не выражается лексически, т. е. валентность остается не заполненной. Следовательно, синтаксически одночленные высказывания типа *Киитрв* 'Похолодало' являются тоже неполными, восходящими к одноактантной ЭСК с семантикой изменения состояния. Таким образом, мы присоединяемся к мнению Е. А. Кузьменкова и считаем, что нульактантных ЭСК в монгольских языках нет.

Что касается лексического статуса глагола, имеющего разные модели управления, то обычно считается, что это один и тот же глагол в разных значениях. Сложность представляет трактовка таких глаголов, которые могут рассматриваться и как глаголы состояния, и как глаголы действия. Например, глагол *униих* 'читать', не меняя своей формы, образует две конструкции: одноактантную (*Охин униина* 'Девочка читает') и двухактантную (*Охин ном униина* 'Девочка читает книгу').

Такие глаголы трактуются как многозначные, одно из значений при этом выделяется как основное, по которому данный глагол и относят к определенной ЛСГ. Мы же предлагаем рассматривать способность глаголов образовывать разные ЭСК как критерий омонимичности соответствующих глаголов. Если глагол — это знак (лексема), имеющая план выражения (ПВ) и план содержания (ПС), то глаголы, имеющие разный ПС при общем ПВ, считаются омонимами. В данном случае для простоты и удобства можно допустить омонимию: мена окружения вызвана изменением лексического значения слова.

В калмыцком языке актанты могут быть оформлены аффиксом личного или субъектного притяжания, но в формуле модели ЭСК они не отражаются, поскольку являются не синтаксическими показателями, как считают некоторые ученые, а маркерами семантических отношений. Употребление аффикса личного притяжания *-нь* или субъектного притяжания *-ан* обязательно при именах со значением неотчуждаемой принадлежности в случае эллипсиса определений к последним.

Оформление актантов включает и такой синтаксический признак, как позиция. Поскольку калмыцкий язык относится к языкам с базовым порядком слов типа SOV, в ЭСК, где всегда нейтральный порядок слов, первая позиция закреплена за первым актантом (за исключением ЭСК локативно-бытийного и копулятивного типа). Порядок записи формулы ЭСК отражает ее линейную структуру.

Интерес с точки зрения соотношения синтаксиса и семантики вызывают одновалентные глаголы типа *инэх* 'смеяться'. В своей работе «Ритуальный смех в фольклоре» В. Я. Пропп точно охарактеризовал этот тип ситуации: «Смех осуществляется при наличии двух величин: смешного объекта и смеющегося субъекта – человека» [Пропп 1999: 21]. Ср.: *Юунд инэв чи?* 'Над чем ты смеешься?'. Но на синтаксическом уровне только субъект получает обязательное выражение в виде актанта: *Церн өвгн инэв* (АК, 7) 'Старик Церен засмеялся'.

Среди глаголов монгольского языка имеются такие, первый актант которых не имеет семантической роли, поскольку семантически отвечает предикату. Рассмотрим глаголы, являющиеся с точки зрения лексической семантики «пустыми», своего рода

вербализаторами. Это прежде всего глаголы, обозначающие существование (протекание), начало или конец некоторой ситуации, называемой первым актантом, типа *бээх* 2 'существовать', *болх* 1 'проходить, наступать, состояться', *ирх* 2 'приходить, наступать', а также фазовые глаголы типа *эклх* 1 'начинаться', *төгсх*, *чилх* 'заканчиваться', обозначающие разные фазы некоторой ситуации — начало и конец соответственно:

Хурм болла (А, 446) 'Состоялась свадьба'.

Мархан эклв (А, 71) 'Соревнование началось'.

Хург төгсв (А, 296) 'Собрание закончилось'.

Сүүрнь чилв (А, 296) 'Заседание окончилось'.

Асхн ирв 'Наступил вечер'.

Увл болв 'Наступила зима'.

Гем ирв 'Пришла болезнь'.

Данные ЭСК часто распространяются за счет обстоятельств времени, что вполне понятно: *Хөрн тавдгч жил Нүүдлэ Вадим Петрович хойрин хурм болла* (А, 446) 'В двадцать пятом году состоялась свадьба Нюдли и Вадима Петровича'. *Цасн бүкл үвлин дуусн зогсго орв* 'Снег шел всю зиму не переставая'. *Хавр урдкасн оратж ирв* 'Весна пришла позже обычного'.

Приведенные примеры показывают, что существуют определенные ограничения на лексическое заполнение позиции первого актанта: фазовые глаголы сочетаются только с именами, обозначающими процесс или деятельность («соревнование», «собрание», «заседание», «дождь»), а все другие — с именами, обозначающими состояние («болезнь») или событие (например, номинации временного промежутка типа «вечер», «зима» и т. д.).

Другой тип ЭСК образуют первичные глаголы взаимного действия типа *харлх* (монг. *уулзах*) 'встречаться', *мендлх* 'здороваться', *куундх* 'разговаривать', *ноолдх* (монг. *тэмцэх*) 'бороться', которые называют сложную симметричную ситуацию из двух пропозиций: абсолютив одной ситуации является соучастником другой. В силу этого данные глаголы обладают переменной валентностью, образуя две разные конструкции: одноактантную с одним сложным актантом, имеющим семантику абсолютива и соучастника одновременно, и двухактантную, где валентность расщеплена. Здесь мы рассматриваем только одноактантную ЭСК, исходя из того, что мена окружения

глагола сигнализирует об изменении значения глагола, следовательно, по аналогии с морфологическими реципроками мы имеем омонимичные глаголы, образующие разные ЭСК:

Эн хойр ижддэ одв (А, 170) 'Эти двое приехали друг к другу'.

Чотн Бергяс хойр күүндв (А, 61) 'Чотон и Бергяс беседовали'.

Церн Вадим хойр үүрдэ (А, 240) 'Церен и Вадим дружат'.

Арви негн кун ноолдв (А, 71) 'Одинадцать человек боролись'.

Семантическая предназначенность данной ЭСК — выражение взаимного действия. Необходимое условие образования — одушевленность и множественность первого актанта.

Итак, класс одновалентных глаголов образуют глаголы состояния, непредикатные глаголы и лексические реципроки. Единственный актант имеет абсолютный, предикатный и сложный характер в соответствующих трех типах ЭСК.

Таким образом, валентностная классификация монгольских и калмыцких глаголов, выделение их семантических классов и подклассов, а также ЛСГ, регистрация основного круга глаголов, образующих такие группы, ранжирование и характеристика свойств приглагольных актантов, выявлением семантических типов глагольных предикатов с одновременной фиксацией набора семантических ролей и способов их кодирования, а также определение области допустимых значений, т. е. семантической предназначенности глагольных ядерных конструкций, показывают, что система калмыцкого (монгольского) глагола включает три основные подсистемы: одно-, двух- и трехвалентные глаголы с последующим более дробным выделением переходных и непереходных, связочных и несвязочных. Так, среди двухвалентных и трехвалентных глаголов нами выделены глаголы мысли (*санх* 'думать'), речи (*келх* 'говорить'), чувства (*байрлх* 'радоваться'), глаголы передачи объекта (отнимания типа *авх* и давания типа *өгх*), движения (*ирх* 'приходить', *орх* 'входить' и др.), позиции (*зогсх* 'стоять') и т. п.

Для нас также важно понять, насколько похожи и насколько различны в двух сопоставляемых языках (монгольском и калмыцком) те фрагменты наивной картины мира, в которых на уровне лексики (глагола и зави-

симого от него имени) и синтаксиса (ЭСК) отражаются такие универсальные понятия, как пространство и время, движение и восприятие и т. д., определить типы межъязыковой лексической соотнесенности — полные и частичные совпадения, а также выделить группу несовпадающих глагольных лексем.

Как нам представляется, более детальный анализ глагольной семантики и грамматики, выявление и изучение имеющихся корреляций между глагольными категориями, лексическими классами (подклассами) и синтаксической организацией высказывания в языках разных типов имеют большое значение как для общей теории языка, так и для чисто дескриптивных задач, представляя особый интерес для внутренней типологии и лингвистической типологии в целом.

Таким образом, признание валентностной категории основной категорией глагольной лексемы, а ЭСК основной единицей синтаксиса позволяет достичь наибольшей общности описания синтаксического компонента родственных и неродственных языков, что крайне важно для сопоставительного исследования языков и лингвистической типологии в целом.

Перспективность предложенных в работе решений и подходов видится в том, что они позволяют включить глагол и его именное окружение в систему средств, обеспечивающих связность и целостность текста. Исчисление таких средств и их системное описание для конкретных монгольских языков, в том числе монгольского и калмыцкого, — задача дальнейших исследований.

Литература

- Абрамов Б. А.* Синтаксические потенции глагола (в сопоставлении с другими частями речи) // Научные доклады Высшей школы. Филологические науки, № 3, 1966. С. 35–70.
- Актуализация предложения:* в 2-х тт. Т. 2: Синтаксические модели и их варианты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 176 с.
- Алпатов В. М.* Семантические классы японских глаголов // Актуальные вопросы японского и общего языкознания: Памяти И. Ф. Вардуля. М.: Вост. лит., 2005. С. 45–57.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. 766 с.
- Васильев Л. М.* Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
- Егодурова В. М.* Сопоставительно-типологическое исследование глаголов движения бурятского и русского языков: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Улан-Удэ, 1988. 20 с.

- Егодурова В. М.* Глагол в бурятском языке: история изучения. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001. 289 с.
- Жамбалсүрэн Г.* К структурному моделированию именных и глагольных синтаксисов в современном монгольском языке // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 138–148.
- Исследования по грамматике калмыцкого языка.* Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. V. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. 895 с.
- Касевич В. Б., Храковский В. С.* Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения: конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука, 1983. С. 5–27.
- Кетенчиев М. Б.* Ядерная модель простого глагольного предложения в карачаево-балкарском языке // Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность: мат-лы IV Всероссийской науч. конф. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2007. С. 178–180.
- Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. 2-ое изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Коваль А. И., Нялибули Б. А.* Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997. 251 с.
- Кузьменков Е. А.* О принципах классификации глагольной лексики в монгольском языке // Вопросы языкознания. М., 1983. № 2. С. 123–130.
- Кузьменков Е. А.* Глагол в монгольском языке. Л.: Наука, 1984. 140 с.
- Магомедова П. А.* Семантика и синтаксис аварского глагола (опыт семантической интерпретации синтаксиса). М., 2006. 344 с.
- Мальчуков А. Л.* Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008. 425 с.
- Мамедов А. Н.* Сравнительно-сопоставительное исследование глаголов современного азербайджанского и монгольского языков. Баку: Маариф, 1976. 133 с.
- Мразек Р.* Типология славянского простого предложения // Языкознание в Чехословакии. М: Прогресс, 1978. С. 181–188.
- Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
- Омакаева Э. У.* Система элементарных синтаксических конструкций как средство оптимизации преподавания синтаксиса монгольского языка // Статистическая оптимизация преподавания языков и компьютеризация обучения: мат-лы семинара: в 2-х частях. Ч. 2. Чимкент-Минск, 1990. С. 87–88.
- Омакаева Э. У.* Глагол сквозь призму синтаксиса и лексикологии (на материале монгольских языков) // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Вып. 3. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. С. 112–115.
- Омакаева Э. У.* Актуальные проблемы модельного описания структуры предложения в монгольских языках // Social Science / Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2011. № 4. С. 164–172.
- Омакаева Э. У.* Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улан-Батор: «Найман од» ХХК, 2011. 240 с.
- Падучева Е. В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с.
- Протт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 288 с.
- Ренжиглова В. Ф.* Синтаксическое употребление глагола в ордосском диалекте: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1951. 19 с.
- Санжеев Г. Д.* Синтаксис глагола в монгольских языках. Тезисы докторской диссертации. М., 1947. 10 с.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2001. 990 с.
- Сусеева Д. А.* Глагольные словосочетания в калмыцком языке: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. Элиста, 1964. 27 с.
- Тестелец Я. Г.* Грамматические иерархии и типология предложения: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 78 с.
- Тувшинтөгс Бямбажав.* Глагольная лексика монгольского и маньчжурского языков: историко-сопоставительный анализ: дисс. ... канд. фил. СПб., 2005. 166 с.
- Уфимцева А. А.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 108–140.
- Харчевникова Р. П.* Система глагола в современном литературном калмыцком языке: дисс. ... д-ра фил. наук. М., 1996. 333 с.
- Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970. P. 25–32.
- Холодович А. А.* К вопросу о доминанте предложения // Проблемы грамматической теории. Л., 1979. 304 с.
- Чариков С. Л.* Эволюционная морфология. Ч. II. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках. СПб.: Наука, 2000. 166 с.
- Functionalism in linguistics.* Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1987. 489 p.